

Оригинальная статья
УДК 179.6; 304.2
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-5-5-18>

От героя к жертве: коммеморативные практики постгероического общества

Наталья Александровна Балаклеец

*Самарский государственный технический университет, Самара, Россия,
bnatalja@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5191-3318>*

Введение. В современной научно-исследовательской литературе возрастает интерес к феноменам коллективной памяти и коммеморации. Ментальный опыт прошлого имеет политическое измерение и способен влиять на ценностные ориентиры и жизненные стратегии настоящего и будущего. Целью настоящей статьи является исследование трансформаций в области коммеморативных практик западных обществ, которые могут быть отнесены к постгероическим.

Методология и источники. В статье использована философская и междисциплинарная методология (принципы и установки социального конструктивизма, перспективизма, дискурс-аналитического подхода). К теоретическому анализу привлекаются работы, относящиеся к проблемному полю социальной и политической философии и интеллектуальной истории.

Результаты и обсуждение. Эксплицированы особенности коммеморации войны в нарративах победителей и побежденных, служащие источниками социально-политической инклюзии и эксклюзии. Отличительной чертой коммеморативных практик западных постгероических обществ является конструирование виктимной (жертвенной) идентичности, которая распространяется одновременно на участников военных действий и пострадавших в результате вооруженного насилия. В постгероических обществах память о героическом самопожертвовании (*sacrificium*) вытесняется памятью о пассивных жертвах (*victimae*), что проявляется в исторических нарративах о войне. Раскрыта роль интеллектуалов в конструировании виктимной идентичности немецкого общества. Выявлены виктимные ряды, приводящие к пролиферации идентичности жертвы.

Заключение. Обосновано, что фигура военного героя обладает избирательным интеграционным потенциалом, тогда как фигура жертвы становится источником примирения наций, некогда сражавшихся по разные стороны фронта. Героические коммеморативные практики являются органичным элементом памяти о победоносной войне. Самовиктимизация со стороны победителей во Второй мировой войне предполагает отказ от наследия победы, а со стороны побежденных – отказ от ответственности за преступления войны.

Ключевые слова: жертва, герой, коммеморативные практики, постгероическое общество, коллективная память, победитель, побежденный

© Балаклеец Н. А., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Балаклеец Н. А. От героя к жертве: коммеморативные практики постгероического общества // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 5. С. 5–18. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-5-5-18.

Original paper

From Hero to Victim: Commemorative Practices of Post-Heroic Society

Natalia A. Balakleets

*Samara State Technical University, Samara, Russia,
bnatalja@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5191-3318>*

Introduction. In modern academic literature, interest in the phenomena of collective memory and commemoration has been growing. The mental experience of the past has a political dimension and can influence value orientations and life strategies of the present and future. The aim of this article is to examine the transformations in commemorative practices within Western societies that can be classified as post-heroic.

Methodology and sources. The article employs a philosophical and interdisciplinary methodology (methodological principles of social constructivism, perspectivism, discourse-analytical approach). The theoretical analysis engages with works related in the field of social and political philosophy and intellectual history.

Results and discussion. The features of war commemoration in the narratives of the victors and the vanquished, which serve as sources of socio-political inclusion and exclusion, are examined. The distinctive feature of commemorative practices in Western post-heroic societies is the construction of a victim identity that encompasses both participants in military actions and victims of armed violence. In post-heroic societies, the memory of heroic self-sacrifice (sacrificium) is supplanted by the memory of passive victims (victimae), which is manifested in war narratives. The role of intellectuals in shaping the victim identity of German society is highlighted. Sequences of victim representations leading to the proliferation of victim identity are examined.

Conclusion. It is argued that the figure of the military hero has a selective integrative potential, whereas the figure of the victim becomes a source of reconciliation between nations that once fought on opposing sides of the front. Heroic commemorative practices are an organic element of the memory of a victorious war. Self-victimization of the victors in World War II can be interpreted as a renunciation of the legacy victory, while the self-victimization of the vanquished signifies a renunciation of responsibility for the crimes of war.

Keywords: victim, hero, commemorative practices, post-heroic societies, collective memory, victor, defeated

For citation: Balakleets, N.A. (2025), "From Hero to Victim: Commemorative Practices of Post-Heroic Society", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 5, pp. 5–18. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-5-5-18 (Russia).

Введение. Как индивидуальная, так и коллективная память обладает избирательным характером. Память неправомерно уподоблять кладовой, которая надежно хранит все события, вошедшие в ее пространство, и из которой их можно по своему желанию извлекать в подходящий момент. Как память отдельно взятого человека, так и историческая память общества подвержена постоянным процессам реорганизации. Усилия по поддержанию в коллективной памяти событий прошлого сопровождаются практиками забвения. Новые собы-

тия приходят на смену старым, блеск одних исторических фигур со временем меркнет на фоне других. Коммеморативные практики обладают не только экзистенциально-личностными и социально значимыми смыслами, но напрямую связаны с реализацией политической власти. По мнению Жака Ле Гоффа, «...показать себя властителем памяти и забвения – это одна из важнейших задач классов, групп и индивидов, которые господствовали и господствуют в исторических обществах» [1, с. 82].

Методология и источники. В статье проводится исследование трансформаций, затрагивающих коммеморативные практики постгероических обществ, к которым относятся высокотехнологичные западные общества [2, с. 157–174], [3, с. 281–298]. Исследование выполнено с опорой на методологию социального конструктивизма и перспективизма, а также с привлечением элементов дискурс-аналитического подхода. Теоретический анализ конститутивных для исторической памяти о войне феноменов предполагает погружение в проблемное поле социальной и политической философии, а также интеллектуальной истории. Кроме того, обращение к феномену жертвы как объекту коммеморации выдвигает перед исследователем требование наряду с теоретическими источниками принять во внимание дискурс самих жертв – в данной связи значимыми являются свидетельства узников нацистских концлагерей Ж. Амери [4] и П. Леви [5].

Результаты и обсуждение. Далеко не все события в коллективной памяти способны сохранять длительное мемориальное эхо. Феномены прошлого могут удерживаться в настоящем, воплощаясь в различных элементах культуры, укрепляя социальную солидарность и обеспечивая бесконфликтное межпоколенческое взаимодействие. К событиям, обладающим мемориальной устойчивостью и объединительным потенциалом, относятся военные победы. Как отмечает Алейда Ассман, «о победах вспоминается легче, чем о поражениях» [6, с. 65]. Величественные памятники, храмы и монументы, воздвигнутые в память о военных победах, являются наглядными свидетельствами коммеморативной устойчивости увенчанных ими войн. Умолчание или эпистемологическая неполнота, сопровождающие поражение, приводят и к активному стиранию из исторической памяти событий проигранной войны. В рамках настоящего исследования важное значение приобретает разграничение коммеморативных практик победителей и побежденных, служащих источниками социальной инклюзии и эксклюзии.

На наш взгляд, событие победы обладает колоссальным интегративным потенциалом. Военный успех не только достигается, но и переживается сообща. Разделить радость победы стремятся не только те, кто непосредственно приближал ее наступление, но и все те, кто был к ней причастен косвенно. Победоносное событие становится источником инклюзивных социальных практик, распространяясь не только на поколение победителей, но и на последующие поколения, которые признают себя его наследниками. Вместе с тем победа способна стать источником практик политической эксклюзии: конкуренция в глобальном политическом пространстве включает в себя дискурсивное противостояние, целью которого является утверждение монопольного права на победу. В современном мире попытки установить монополию на победу, исходящие от бывших союзников СССР в Великой Отечественной войне, приводят к активизации усилий по фальсификации истории. Стремление присвоить себе статус главного (или единственного) победителя со стороны тех акторов,

чей фактический вклад в коллективный успех не был решающим, означает и попытку утверждения собственного политического проекта и нивелирования политической субъектности противника. Речь идет не только о сугубо военном аспекте победоносного события, но и о его социально-политическом измерении.

В отличие от победы, поражение становится стигматом, принятие которого является вынужденным актом признания собственных тактических и стратегических ошибок и просчетов, слабости, недостаточных волевых усилий. Зачастую негативный опыт поражения заставляет потерпевшую его сторону *post factum* рассматривать события войны из иррационалистской перспективы [7, S. 164]. Нежелание быть сопричастным поражению приводит к актуализации практик социальной и политической эксклюзии: общество не желает быть причастным к войне, завершившейся провальным финалом, вина за военные действия перекладывается на военное и политическое руководство страны; побежденный объявляет себя «заложником» обстоятельств, чьей-то злой воли, «преступного режима» и других надличностных факторов, стремясь обосновать вынужденный характер своих деструктивных действий. Сопряженные с травматическим опытом поражения практики политической эксклюзии таким образом связаны с попытками его ограничения в стане побежденных узким кругом причастных к нему лиц.

Политическая эксклюзия, связанная с неприятием поражения, может исходить не только от потерпевшего его общества, но и от тех акторов, которые заинтересованы в построении совместного будущего с побежденным. К подобным акторам могут относиться и победители, готовые проявить снисхождение к бывшим военным противникам. Очевидна проблематичность построения прочного мира с обществом и в ситуации *post bellum*, сохраняющим статус врага. Трансформирование идентичности побежденного «от врага к соседу» в целях последующего мирного взаимодействия с ним предполагает экстраполяцию вины на конкретные политические фигуры. Деполитизация потерпевшего поражение общества и тем самым снятие с него коллективной вины служит условием включения его в новый, выгодный победителю социально-политический проект. Эксклюзия поражения связана таким образом с возможностью новых социально-политических инклюзий.

Социальное отторжение идентичности побежденного может проявляться в различных мемориальных стратегиях, приводящих к межпоколенческим разрывам и конфликтам. Так, по свидетельству Германа Люббе, для поколения немцев, поддержавших Третий рейх, после 1945 г. было характерно коллективное «умолчание» собственного преступного прошлого. Однако протестное поколение 1968 г. нарушило сложившуюся солидарность «молчаливого большинства»: «Если поколение родителей, представляющее “молчаливое большинство”, поддерживая официальное политическое осуждение нацистского режима, не могло в силу причастности к нему полностью дистанцироваться от него, то второе поколение публично и громко заявило о своем разрыве с прошлым» (цит. по: [8]).

Начиная с 1980-х гг. в теоретический дискурс входит термин «постгероическое общество», который встречается в работах американского военного теоретика Эдварда Люттвака [9], немецких ученых Герфрида Мюнклера [2] и Ульриха Брёклинга [10], а также ряда других западных интеллектуалов, представляя собой способ определения ими одного из актуальных векторов социальной динамики. На постгероической стадии происходит отказ от

культы воинской доблести и героизма, а также утрата литературной традиции почитания героев. По мнению Мюнклера, понятие постгероизма «отличает те общества, которые утратили идеалы жертвоприношения и чести, а точнее, те общества, где под жертвоприношением подразумевается не подвиг, а мученичество. Такие общества, в случае если они участвуют в вооруженных конфликтах, принципиально ориентированы на недопущение или, по крайней мере, сведение к минимуму численности собственных жертв: их девиз – как можно меньше потерь» [2, с. 189]. Постгероический вектор развития, характерный для Европы после окончания Второй мировой войны, проявляется не только в изменении способов организации военной деятельности, но и в трансформации коллективной памяти о войне.

Отличительным симптомом коммеморативных практик западных постгероических обществ является конструирование виктимной (жертвенной) идентичности. Она распространяется одновременно на участников военных действий и пострадавших в результате вооруженного насилия. Фигурой, знаковой для памяти о событиях войны в коллективном сознании побежденных, является не герой, но жертва (*victima*). Последний термин, обладающий семантической избыточностью в русском языке, нуждается в прояснении. Приведем три ипостаси жертвы, выделяемые Герфридом Мюнклером и Карстеном Фишером [11]. Во-первых, в контексте архаической культуры жертва представляла собой сакральный дар, приносимый богам и выступающий органичным элементом магической картины мира. Во-вторых, речь идет о добровольном отказе от обладания какой-либо вещью или ценностью, предельным вариантом которого является самопожертвование – принесение в дар собственной жизни. Если первая ипостась жертвы связана с попыткой магического воздействия на порядок вещей и ожиданием непосредственного эффекта от этого воздействия, то ее вторая ипостась предполагает рациональное осмысленное действие. В-третьих, жертва (*victima*) испытывает насилие со стороны других или оказывается в таких обстоятельствах, которым она не в силах противодействовать [11, S. 345–346]. Как правило, в современных исследованиях сопоставляются две последние ипостаси жертвы – *sacrificium* и *victima* [6, 12, 13]. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что в рамках приведенной классификации фигура героя (*Held*) включается в смысловое поле жертвы (*Opfer*). Рассмотрение атрибута героической личности (самоотдача) как одной из ипостасей жертвы приводит к нивелированию онтологической значимости и автономии героизма, его поглощению жертвенной семантикой.

Несмотря на разделение ипостасей жертвы, границы между ними являются трансгрессивными. Один и тот же феномен может приобретать сакрифициальную или виктимную идентичность, что проявляется как в интерпретационных схемах, так и в коммеморативных практиках, расставляющих разные акценты в выборе объектов, достойных коммеморации. Так, повествуя о событиях Первой мировой войны, Эрих Фромм смешивает сакральный и героический компоненты жертвенной идентичности ее акторов. Молодые люди, сражавшиеся по разные стороны линии фронта и погибшие в первые дни войны, являют для Фромма пример героического самопожертвования: они «сами с готовностью и без промедления ринулись в бой» [14, с. 158]. Вместе с тем за этим актом самопожертвования автор усматривает аналогию архаичным сакральным практикам жертвоприношения. Английские и немецкие комбатанты, принесшие в дар свои жизни, интерпретируются им как орудия современного «идолопоклонства», а война приобретает черты квазирелигиозного действа: «Государство, народ и честь

нации были фетишизированы, превращены в идолов, ради которых обе стороны добровольно стали приносить в жертву своих детей» [14, с. 158]. Существует и иное понимание идентичности участников Первой мировой войны, сражавшихся на Западном фронте. Виктимологический способ ее интерпретации связан с опытом современников, потрясенных ужасами индустриальной механизированной войны. В условиях установления масштабных дистанций между противниками схватка «лицом к лицу» стала исключением. Комбатанты враждующих сторон стали друг для друга «невидимыми врагами» [15], лишенными возможности непосредственного восприятия результатов собственных артиллерийских атак. Смерть на поле боя стала анонимным событием. В подобных условиях «солдаты воспринимали себя, прежде всего, как жертв войны» (цит. по: [12, S. 466]). По свидетельству Томаса Тимайера, «субъективный опыт бойцов свидетельствовал об их бессилии в “стальных грозах”. Они чувствовали свою незащищенность перед артиллерией. Не волевые усилия, отличающие сакрифициальную жертву, но пассивность определяла их военный опыт как виктимный» [12, S. 466].

Для целей настоящего исследования важно подчеркнуть, что в постгероических обществах память о героическом самопожертвовании (*sacrificium*) вытесняется памятью о пассивных жертвах (*victimae*). Для общества, готового к самопожертвованию, характерно наделение идентичности героя и героической смерти сакральным смыслом. Постгероическое общество, члены которого не готовы к подвигам во имя высоких идеалов, утрачивает потребность в поддержании культа героев.

Виктимная идентичность включает в себе семантику недобровольной утраты витальных возможностей, страданий и пассивного примирения с обстоятельствами. Согласно выводам Райнхарда Козеллека, до 1945 г. понятие жертвы в немецком обществе употреблялось в значении «активной жертвы» (*eines aktiven Opfers*), добровольно приносимой во имя чего-либо. Однако начиная с 1950-х гг. начинается его переопределение. Люди, которые во время войны стремились «жертвовать собой во имя Германии», после ее окончания стали идентифицировать себя с «жертвами фашизма». Примечательно, что такая трансформация, как полагает Козеллек, была стихийной. Она произошла без вмешательства политического руководства или научного сообщества. И, безусловно, подобная стихийная самоидентификация в качестве жертвы не имела ничего общего с реальностью Третьего рейха [11, S. 346].

Другой немецкий ученый, Мартин Сабров (Sabrow), в качестве переломного события, маркирующего смену парадигмы культурной памяти и способствующего переходу от героической к виктимной идентичности, называет Сталинградскую битву: «В воспоминаниях о Сталинграде немцы распрощались с миметическим представлением прошлого как героического самоутверждения и реорганизовали свою картину истории в качестве жертвенного нарратива, в центре которого все более отчетливо выступали испытанные ими страдания» [16, S. 19]. Образ Сталинграда приобрел в немецком коллективном сознании апокалиптические черты. В нем сочетались самые ужасные проявления войны – безысходность страданий «маленького человека» и преступные действия политического и военного руководства Германии с безразличием допустившего смерть заключенной в котел армии. Таким образом, именно Сталинград, по мнению Саброва, стал тем событием, которое трансформировало дискурсивные практики в немецком обществе: на смену героическим нарративам первой половины XX в. пришли жертвенные нарративы, активно конструируемые во второй половине столетия [16, S. 20].

Подчеркивая ведущую роль виктимной идентичности для мемориальной культуры послевоенной Германии, Сабров отмечает: «В центре нашей современной исторической культуры отныне находится не герой, но жертва; нас трогают не подвиги Арминия в Тевтобургском лесу, Лютера в Вормсе или Бисмарка в Версале, а исторические раны, которые претерпели люди и которые они сами нанесли» [16, S. 10]. При этом, как полагает автор, переход от исторической героизации к исторической виктимизации характерен не только для немецкого общества, но является в целом западной тенденцией. По утверждению Томаса Тимайера, «в последние годы понятие жертвы освободилось от дурной славы. Оно приобрело значение морального авторитета, что в особенности характерно для воспоминаний о Холокосте» [12, S. 464].

Показательно, что конструирование виктимной идентичности немецкого общества происходило как в период *interbellum*, так и во время Второй мировой войны и сразу после ее окончания. Этот процесс, с нашей точки зрения, неправомерно рассматривать как исключительно стихийное явление, источником которого являлись массы, движимые желанием избавиться от коллективной вины за зверства нацистского режима. Рафинированные усилия в направлении виктимизации немецкого общества предпринимались интеллектуалами. Во время Нюрнбергского процесса Карл Ясперс пишет трактат «Вопрос о немецкой виновности», в котором, декларативно заявляя о политической ответственности «каждого немца без исключения» за нацистские преступления, вместе с тем делает вывод о совиновности держав, победивших в Первой мировой войне, в развязывании новой мировой катастрофы. Согласно логике Ясперса, Англия, Франция и США не справились с ответственностью победителя за послевоенное мироустройство. Они виновны в своем бездействии, приведшем к началу Второй мировой войны. Германия представлена в трактате в качестве заложницы действий руководства Третьего рейха, с одной стороны, и бездействия не справившихся со своей ролью победителей, с другой. Как отмечает Ясперс: «Германия при нацистском режиме была тюрьмой... В тюрьме возлагать ответственность за бесчинства тюремщиков на всех узников скопом явно несправедливо» [17, с. 69]. Кроме того, философ указывает на участие в деле войны наряду с немецкими рабочими пятнадцати миллионов иностранных рабочих [17, с. 69].

Установка на редуцирование вины агрессора реализуется в работе Иштвана Бибо «Причины и история немецкой политической истерии» (1943). «Драконовы зубы», взрастившие жупел гитлеризма, венгерский интеллектуал усматривает в Версальском мирном договоре, возлагавшем ответственность за разжигание Первой мировой войны на весь немецкий народ. Редукция коллективной вины и закрепление ответственности за конкретной политической фигурой – императором Вильгельмом II – способствовали бы, по мнению Бибо, послевоенной интеграции победителей и побежденного. Как отмечает автор: «Для консервативно-аристократического общества, существующего в условиях единоличной власти, война... является не результатом человеческого решения или, наоборот, упущения, а стихийным бедствием вроде наводнения или опустошительного града» [18, с. 106]. Причины стремления наделить развязавший две мировые войны народ жертвенной идентичностью проясняются исходя из более широкого политического контекста рассуждений Бибо. Автор занимает позицию апологета единой Европы, что приводит его к иррационализации побежденного и к уже эксплицированной нами политической эксклюзии поражения, стремлению снять ответственность с целого народа и возложить ее на конкретную личность.

В эссе Карла Густава Юнга «Вотан», опубликованном в 1936 г., раскрываются иррациональные корни войны, ведущейся «цивилизованными нациями». В коллективном бессознательном немецкой нации швейцарский ученый усматривает пробуждение древних архетипов, достижения цивилизации отступают перед натиском архаичных воинственных сил. Вотан – языческий бог бури и неистовства – стал доминирующим архетипом, подчинив своей власти утратившие самоконтроль массы. Таким образом, в период *interbellum* Юнг констатирует разгул в немецком обществе милитаристского духа. Однако причины зреющей агрессии автор усматривает не в сознательном выборе немецкой нации, но в руководящих ее действиями бессознательных факторах. Предпринимаемая Юнгом попытка обоснования жертвенной идентичности немецкого общества основана на исключении ипостаси сознательного, активного, деятельного начала: «Мы, стоящие в стороне, судим немцев так, как будто они сознательны, были действующими силами, но может быть, мы ближе к истине, когда считаем их и жертвами» [19, с. 88].

Установка на поиск иррациональных начал в коллективном бессознательном побежденных реализуется Юнгом и после окончания Второй мировой войны. В ноябре 1946 г. ученый выступает на радиостанции Би-би-си с докладом «Индивидуальная и массовая психология», в котором раскрывает психологические причины развязанных Германией мировых войн. Массовые неврозы и психозы, охватившие нацию-агрессора, автор объясняет с привлечением психологического механизма компенсации: если содержание коллективного бессознательного не интегрировано в структуру сознания, то оно приобретает автономность. Индивид или коллектив подпадает под власть разрушительных архетипов, будучи не в силах им противостоять. И кайзер Вильгельм II, и Гитлер выступают в трактовке Юнга жертвами «беззаконных, хаотических вождельний», накопившихся в коллективном бессознательном массовизированного немецкого общества [19, с. 66], а вся Германия предстает в качестве «добычи массовой психологии» [19, с. 67]. Концепция коллективного бессознательного, применяемая Юнгом для объяснения причин развязывания мировых войн, снимает с милитаризованного общества ответственность за коллективные преступления.

На наш взгляд, самоопределение и самономинация побежденного в качестве жертвы решает, по меньшей мере, две задачи. Во-первых, виктимная идентичность, избираемая побежденным, вытесняет из коллективной памяти травматический опыт поражения и через покаяние дает ему новый исторический шанс. Во-вторых, самовиктимизация победителей может свидетельствовать о преодолении этапа политической конфронтации с побежденными. Побежденные, которые формируют жертвенную идентичность, не готовы к продолжению противостояния и рассчитывают на милость победителей. Стигматизированная идентичность жертвы служит источником примирения социально-политических акторов, некогда выступавших по разные стороны фронта. Фигура военного героя обладает избирательным интеграционным потенциалом: она спланирует лишь те общества, которые сообща сражались против общего врага. Фигура жертвы, напротив, способна примирять различные нации, пострадавшие в результате вооруженного насилия либо ставшие источником чужих страданий и приносящие плоды покаяния. Подчеркивая то обстоятельство, что виктимизация является не только немецкой, но и в целом западной тенденцией [16, s. 10], М. Сабров умалчивает о том, что для европейских держав – победительниц во Второй мировой войне –

она означает отказ от своего превосходства над побежденными. В Европе без границ нет места победителям и побежденным. Жертвенная идентичность становится источником общеевропейской солидарности. Бывшие противники совместно отмечают 27 января – День освобождения Освенцима, принимают участие в торжественных мероприятиях, посвященных жертвам Холокоста. Победа как финал вооруженного противостояния разделяет победителей и побежденных, становится источником политической асимметрии, а самовиктимизация, напротив, уравнивает обе стороны конфликта и способствует вытеснению из исторической памяти нежелательных для социально-политического настоящего событий.

И побежденный и жертва склонны к иррационализации своего положения. Однако иррационализация осуществляется ими исходя из разных оснований. Для побежденного проигранная война может быть объяснима как результат ошибочности собственной военной стратегии, воздействия факторов непредсказуемости и обстоятельств, отделивших «действительную войну» от «войны бумажной» (термины К. фон Клаузевица [20, с. 106]). Побежденный, не готовый честно принять невыгодные для него реалии, может оправдать свое поражение везением победителя («удача была на его стороне»). Иррационализация положения побежденного связана и с неопределенностью его будущего, ибо его участь предоставлена воле победителя. В отличие от жертвы, побежденный не может отрицать собственной активной роли в военных действиях. Признание себя побежденным означает признание своей ответственности за развязанную войну, бесславного итога собственной деструктивной деятельности. Побежденный мог стать победителем, мог выиграть войну, однако этого не произошло. Признавая свою ответственность, потерпевший поражение признает свою активную роль в военных действиях и вместе с тем неспособность дальнейшего осуществления этой роли. Он отказывается от дальнейшего сопротивления по причине его военно-политической нецелесообразности, бессмысленности или физической неосуществимости. Далеко не всегда признание поражения становится для побежденного единственно возможным способом сохранения его наличного бытия. Побежденный мог признать себя таковым, исходя из прагматичных соображений, рассчитывая на последующее восстановление сил для дальнейшей борьбы. Он может рассматривать мир как перемирие, дающее шанс для последующего изменения status quo, использовать его как активную фазу для подготовки к новым военным действиям. Признание себя не победителем, но жертвой исключает ипостась агента из собственной идентичности. Виктимная идентичность основана на страдательной, пассивной стороне ее носителя. Мемориальные практики, в которых память о героях-победителях, побежденных или военных преступниках уступает место воспоминаниям о жертвах, имплицитно и особое понимание самой войны. Война, мемориализация которой основана на феноменах *победителя* и *побежденного*, представляет собой комплексную деятельность, противоборство сторон, каждая из которых стремится одержать победу. Война, память о которой концентрируется в фигуре *жертвы*, либо отождествляется с преступлением, либо воспринимается как страдание.

Положение жертвы не является естественным следствием ее собственных усилий, она не по своей воле лишилась тех возможностей, которыми обладала ранее. Жертва не может нести ответственность за собственное положение: она а priori была лишена способности к сопротивлению, борьбе. Ее уделом становится принятие навязанных чужой волей условий

существования и недобровольное осуществление предписанных видов деятельности. Иррациональность восприятия мира из перспективы жертвы связана с ее неспособностью найти разумный смысл в происходящем. В условиях трагической несвободы не работают привычные интерпретационные матрицы, утрачивают свой объяснительный потенциал научные теории. По свидетельству узника нацистских концлагерей Жана Амери, «любой человек в здравом уме не мог не признать, что Освенцим не имел ничего общего с капитализмом или любой другой экономической системой, он был лишь материализованным плодом больного сознания и извращенных эмоций» [4, с. 40].

Следует отметить, что виктимная идентичность отличается неоднородным характером. С одной стороны, речь идет о тех, кто испытал на своем опыте ужасы насилия и своими страданиями очертил предел человеческой несвободы. Кульминацией физических и нравственных истязаний жертвы является достижение ею такого состояния, когда она «начинает просить о собственной смерти, но даже в этой форме исхода (Erlösung) ей отказано» [21, S. 20]. Вместе с тем и жертвы концлагерей отличались разностатусностью: среди них выделялись привилегированные, обладавшие наибольшими шансами на спасение, и рядовые заключенные, политические и уголовники, рабочие и интеллектуалы [5]. С другой стороны, существуют те, кто отнес себя к жертвам войны *post factum*, не пережив при этом ужасов военного времени. Самовиктимизация послевоенных поколений, происходящая в ситуации *post bellum*, свидетельствует о стремлении избавиться от клейма «побежденного», снять с себя ответственность за преступные действия отцов и дедов. Избрание жертвенной идентичности в данном случае означает заявление о своей непричастности политике предшествующих поколений. Самовиктимизация представляет собой способ преодоления коллективной вины и солидаризацию с теми, кто безвинно претерпел страдания. Однако насколько этичным является присвоение права говорить от имени жертвы? Подобного рода субститутивный дискурс, таящий в себе угрозы манипулирования памятью, трактуется Полем Рикёром как «присвоение безмолвного слова жертв» [22, с. 130].

Виктимная идентичность воспроизводится не только в отдельных дискурсивных практиках, имеющих социально-политическое значение. «Крайности современной тенденции к виктимизации» (П. Рикёр [22, с. 661–662]) могут проявляться в конституировании *виктимных рядов*, которые, распространяя жертвенную идентичность на различные категории индивидов, лишают их активного и сознательного начала. Один из способов конституирования виктимного ряда предполагает определенное уравнивание пострадавшего и преступника. Последний предстает в качестве «жертвы обстоятельств», к примеру, вошедшего в поговорку «трудного детства» [11, S. 347]. Тем самым «за скобки» выносятся его деятельностная ипостась, что в определенной степени приводит к реабилитации преступных деяний. В контексте постгероического общества выстраивается аналогичный виктимный ряд, распространяющийся не на отдельных личностей, но на целые поколения. Жертвы Холокоста являются пострадавшими от рук нацистских палачей, однако последние, в свою очередь, трактуются в качестве заложников гитлеровской политики. В данной связи уместно привести замечание Р. Козеллека: «Если все являются жертвами, то больше нет преступников» (цит. по: [11, S. 347]). Подобного рода избыточная виктимизация сопряжена с уже выявленной нами эксклюзией поражения, стремлением избавиться от стигматизированной идентичности побежденного.

Другой способ конституирования виктимного ряда связан с угрозой ресентимента и его последствий, исходящей от жертв насилия. Как отмечает в данной связи З. Бауман, «мысль о том, что насилие порождает новое насилие, вполне банальна, менее банальна мысль о том, что виктимизация порождает новую виктимизацию» [23, с. 278]. Жертва, убежденная в том, что она имеет право осуществлять возмездие за перенесенные ею страдания, и тем самым реализовывать принцип высшей справедливости, способна породить новые жертвы. Угроза насилия, инициированного жертвами, была осмыслена и Ханной Арендт, которая задает риторический вопрос: «Кто когда-нибудь сомневался в том, что жертвы насилия мечтают о насилии, что угнетенные мечтают о дне, когда они сами окажутся на месте угнетателей, что... гонимые мечтают о том, чтобы сменить “роль дичи на роль охотника”...?» [24, с. 28]. Вместе с тем Арендт констатирует проблематичность подобной социальной инверсии: «обездоленные и попранные» крайне редко меняются местами со своими угнетателями.

Заключение. Как показало проведенное исследование, коммеморативные практики характерны для различных социокультурных общностей и отличаются неоднородностью. В постгероических западных обществах герой как фигура коммеморации вытесняется пассивной жертвой (*victima*). Виктимная идентичность предполагает недобровольную утрату своих витальных возможностей, редукцию бытийного потенциала личности. Жертва предстает в качестве объекта, чья активность и воля к сопротивлению подавляются навязанными извне обстоятельствами. Из виктимной идентичности изъято активное, деятельностное измерение, что отличает ее как от героя, так и от преступника (агрессора). Фигура героя является устойчивым элементом коммеморации в тех обществах, в коллективной памяти которых сохраняется представление о победоносной войне. Событие победы, с одной стороны, обладает интегративным потенциалом, объединяя не только всех причастных к нему членов общества, но и их потомков. С другой стороны, военная победа проводит границы между победителями и побежденными, а также между теми, кто разделяет и, напротив, отрицает ее политический смысл. Фигура жертвы выступает в качестве источника социальной и политической инклюзии, объединяя те постгероические общества, которые были причастны к победе во Второй мировой войне, с теми, кто развязал эту войну. Вместе с тем самовиктимизация со стороны побежденных и их потомков представляет собой способ снятия с себя ответственности за преступные действия, повлекшие за собой трагические последствия для всего человечества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ле Гофф Ж. История и память / пер. с франц. К. З. Акопяна. М.: РОССПЭН, 2013.
2. Мюнклер Г. Осколки войны: эволюция насилия в XX и XXI веках / пер. с нем. А. И. Лоскутовой. М.: Кучково поле, 2018.
3. Балаклеец Н. А. Война и ее трансформации в современном обществе: опыт политико-философского анализа. СПб.: Алетейя, 2024.
4. Амери Ж. По ту сторону преступления и наказания. Попытки одолженного одолеть / пер. с нем. И. Эбаноидзе. М.: Новое изд-во, 2015.
5. Леви П. Канувшие и спасенные / пер. с итал. Е. Б. Дмитриевой. М.: Новое изд-во, 2010.
6. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
7. Hüppauf B. Der moderne Krieg und das Irrationale // Schuld und Sühne?: Kriegserlebnis und Kriegsdeutung in deutschen Medien der Nachkriegszeit (1945–1961). Amsterdam: Rudopi, 2001. S. 155–171.

8. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. 2016. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A5/hlebnikov-boris-nikolaevich/novoe-nedovoljstvo-memorialnoj-kuljturoj/2> (дата обращения: 03.04.2025).
9. Люттвак Э. Стратегия: логика войны и мира / пер. с англ. А. Н. Коваля и Н. Н. Платошкина. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012.
10. Bröckling U. Postheroische Helden? Konturen einer Zeitdiagnose // Kulturelle Grundlagen von Integration. URL: <https://www.exc16.uni-konstanz.de/postheroische-helden.html> (дата обращения: 17.06.2025).
11. Münkler H., Fischer K. «Nothing to kill or die for...» – Überlegungen zu einer politischen Theorie des Opfers // Leviathan. 2000. Vol. 28, no. 3. S. 343–362.
12. Thiemeyer T. Zwischen Helden, Tätern und Opfern. Welchen Sinn deutsche, französische und englische Museen heute in den beiden Weltkriegen sehen // Geschichte und Gesellschaft. 2010. Vol. 36, no. 3. S. 462–491. DOI: <https://doi.org/10.13109/gege.2010.36.3.462>.
13. Knobloch C. Die Figur des Opfers und ihre Transformation im politischen Diskurs der Gegenwart // Zeitschrift für Politik. 2020. No. 67 (4). S. 455–472. DOI: doi.org/10.5771/0044-3360-2020-4-455.
14. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с нем. Э. М. Телятниковой. М.: Республика, 1994.
15. Балаклеец Н. А. Невидимый враг: от метафоры к концепту // Вестн. СПбГУ. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39, № 3. С. 410–422. DOI: [10.21638/spbu17.2023.301](https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.301).
16. Sabrow M. Heroismus und Viktimismus. Überlegungen zum deutschen Opferdiskurs in historischer Perspektive // Potsdamer Bulletin für Zeithistorische Studien. 2008. No. 43/44. S. 7–20.
17. Ясперс К. Вопрос о виновности / пер. с нем. С. Апта. М.: Прогресс, 1999.
18. Бибо И. Причины и история немецкой политической истерии // О смысле европейского развития и другие работы / пер. с венгер. Н. Надь. М.: Три квадрата, 2004. С. 7–154.
19. Юнг К. Г. Очерки о современных событиях // Божественный ребенок: аналитическая психология и воспитание / пер. с англ. и нем. Д. В. Дмитриева. М.: АСТ-ЛТД, 1997. С. 60–176.
20. Клаузевиц К. О войне / пер. с нем. А. Рачинского. М.: Логос: Наука, 1994.
21. Grausamkeit und Metaphysik. Figuren der Überschreitung in der abendländischen Kultur / Schaub M. (Hg.). Bielefeld: transcript Verlag, 2009.
22. Рикёр П. Память, история, забвение / пер. с франц. И. И. Блауберг, И. С. Вдовиной, О. И. Мачульской, Г. М. Тавризян. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004.
23. Бауман З. Актуальность Холокоста / пер. с англ. С. Кастальского, М. Рудакова. М.: Европа, 2010.
24. Арендт Х. О насилии / пер. с англ. Г. М. Дашевского. М.: Новое изд-во, 2014.

Информация об авторе.

Балаклеец Наталья Александровна – кандидат философских наук (2011), доцент (2018), доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Самарского государственного технического университета, ул. Молодогвардейская, д. 244, Самара, 443100, Россия. Автор более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная философия, политическая философия, философские проблемы войны и мира.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 21.04.2025; принята после рецензирования 25.06.2025; опубликована онлайн 17.11.2025.

REFERENCES

1. Le Goff, J. (2013), *Histoire et mémoire*, Transl. by Akopyan, K.Z., ROSSPEN, Moscow, RUS.
2. Münkler, H. (2018), *Kriegssplitter: Die Evolution der Gewalt im 20. und 21. Jahrhundert*, Transl. by Loskutova, A.I., Kuchkovo pole, Moscow, RUS.

3. Balakleets, N.A. (2024), *Voina i ee transformatsii v sovremennom obshchestve: opyt politiko-filosofskogo analiza* [War and its transformations in modern society: an experience of political and philosophical analysis], Aleteiya, SPb., RUS.
4. Amery, J. (2015), *Jenseits von Schuld und Sühne: Bewältigungsversuche eines Überwältigten*, Transl. by Ebanoidze, I., Novoe izd-vo, Moscow, RUS.
5. Levi, P. (2010), *I sommersi e i salvati*, Transl. by Dmitrieva, E.B., Novoe izd-vo, Moscow, RUS.
6. Assmann, A. (2014), *Der lange Schatten der Vergangenheit: Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*, Transl. by Khlebnikov, B., Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, RUS.
7. Hüppauf, B. (2001), "Der moderne Krieg und das Irrationale", *Schuld und Sühne? : Kriegserlebnis und Kriegsdeutung in deutschen Medien der Nachkriegszeit (1945–1961)*, Rudopi, Amsterdam, DEU, pp. 155–171.
8. Assmann, A. (2016), *Das neue Unbehagen an der Erinnerungskultur*, available at: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A5/hlebnikov-boris-nikolaevich/novoe-nedovoljstvo-memorialnoy-kuljturoj/2> (accessed 03.04.2025).
9. Luttwak, E. (2012), *Strategy: the logic of war and peace*, Transl. by Koval', A.N. and Platoshkin, N.N., Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke, Moscow, RUS.
10. Bröckling, U. (2018), "Postheroische Helden? Konturen einer Zeitdiagnose", *Kulturelle Grundlagen von Integration*, available at: <https://www.exc16.uni-konstanz.de/postheroische-helden.html> (accessed 17.06.2025).
11. Münkler, H. and Fischer, K. (2000), "Nothing to kill or die for...» – Überlegungen zu einer politischen Theorie des Opfers", *Leviathan*, vol. 28, no. 3, pp. 343–362.
12. Thiemeyer, T. (2010), "Zwischen Helden, Tätern und Opfern. Welchen Sinn deutsche, französische und englische Museen heute in den beiden Weltkriegen sehen", *Geschichte und Gesellschaft*, vol. 36, no. 3, pp. 462–491. DOI: <https://doi.org/10.13109/gege.2010.36.3.462>.
13. Knobloch, C. (2020), "Die Figur des Opfers und ihre Transformation im politischen Diskurs der Gegenwart", *Zeitschrift für Politik*, vol. 67, iss. 4, pp. 455–472. DOI: doi.org/10.5771/0044-3360-2020-4-455.
14. Fromm, E. (1994), *Anatomie der menschlichen Destruktivität*, Transl. by Telyatnikova, E.M., Respublika, Moscow, RUS.
15. Balakleets, N.A. (2023), "The invisible enemy: from metaphor to concept", *Vestnik of Saint-Petersburg Univ. Philosophy and Conflict Studies*, vol. 39, no. 3, pp. 410–422. DOI: [10.21638/spbu17.2023.301](https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.301).
16. Sabrow, M. (2008), "Heroismus und Viktimismus. Überlegungen zum deutschen Opferdiskurs in historischer Perspektive", *Potsdamer Bulletin für Zeithistorische Studien*, no. 43/44, pp. 7–20.
17. Jaspers, K. (1999), *Die Schuldfrage*, Transl. by Apt, S., Progress, Moscow, RUS.
18. Bibó, I. (2004), "A német hisztéria okai és története", Transl. by Nagy, N., *O smysle evropeiskogo razvitiya i drugie raboty* [On the meaning of European development and other works], Tri kvadrata, Moscow, RUS, pp. 7–154.
19. Jung, C.G. (1997), "Essays on Contemporary Events", Transl. by Dmitriev, D.V., *Bozhestvennyi rebenok: Analiticheskaya psikhologiya i vospitanie* [The Divine Child: Analytical Psychology and Education], AST-LTD, Moscow, RUS, pp. 60–176.
20. Clausewitz, C. (1994), *Vom Kriege*, Transl. by Rachinskii, A., Logos, Nauka, Moscow, RUS.
21. *Grausamkeit und Metaphysik. Figuren der Überschreitung in der abendländischen Kultur* (2009), Schaub, M. (Hg.), transcript Verlag, Bielefeld, DEU.
22. Ricoeur, P. (2004), *La mémoire, l'histoire, l'oubli*, Transl. by Blauberger, I.I., Vdovina, I.S., Machul'skaya, O.I. and Tavrizyan, G.M., Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury, Moscow, RUS.
23. Bauman, Z. (2010), *Modernity and the Holocaust*, Transl. by Kastal'skii, S. and Rudakov, M., Evropa, Moscow, RUS.
24. Arendt, H. (2014), *On Violence*, Transl. by Dashevskii, G.M., Novoe izdatel'stvo, Moscow, RUS.

Information about the author.

Natalia A. Balakleets – Can. Sci. (Philosophy, 2011), Docent (2018), Associate Professor at the Department of Philosophy, Social Sciences and Humanities, Samara State Technical University, 244 Molodogvardeyskaya str., Samara 443100, Russia. The author of more than 100 scientific publications. Area of expertise: social philosophy, political philosophy, philosophical problems of war and peace.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 21.04.2025; adopted after review 25.06.2025; published online 17.11.2025.